

Бунт природы и природа деспотии...

(Заметки о романе А. Вельсапара «Кобра»)

С обложки книги, грозно раздув свой капюшон, взирает внушительной величины кобра в чиновничьей шляпе. Темный силуэт кобры и тени, отбрасываемые старинным полуразрушенным мавзолеем, расположенном на заднем плане, в сочетании с красным предзакатным небом, усталым, равнодушно-белым солнцем и багряными бликами на песке, воспринимаются более чем драматично.

Я открываю книгу в добротном твердом переплете и начинаю читать... И очень скоро погружаюсь в совсем другой мир, живущий по своим законам. Передо мной открывается неизвестная, но в то же время до боли знакомая многим из нас страна, раскинувшаяся на бескрайних азиатских просторах окраин рухнувшей империи...

Из чего же соткан пейзаж повседневности в этой стране? Жаркие полевые станы; хлопковые плантации; ядовитые испарения химических удобрений; бедное, ведущее свое неторопливое существование село; сырые подземелья, с разместившимся в них "Музеем истории", где архивируются в живом виде жалобы и обращения граждан страны; Институт языков, – где исправляют «неверно построенные с грамматической точки зрения предложения», работая над самими гражданами, тот самый институт, в спецотделе которого хранится все, высказанное любым гражданином с первых дней обретения языка и до последних мгновений жизни; придворный поэт, превративший поэзию не только в производство, но и возведший ее в ранг государственной политики; целая стая дворцовых холуев; крепкие, бывалые ребята в костюмах, с узкими черными галстуками, и конечно же, господин товарищ Президент...

Он вездесущ! Уже с первых страниц романа он незримой тенью присутствует в повествовании. Он в цитатах, постоянно произносимых гражданами страны, он – на экране телевизоров, на многочисленных портретах, в названиях улиц, и всегда, возможно, где-то рядом, в толпе... Он везде... Даже если его здесь нет, и сейчас никак быть не может, то это не означает, что его нет совсем, и, тем более то, что он не наблюдает за тобой... Все события своей жизни жители описываемой страны воспринимают через призму президентского внимания к своей персоне. Может быть, "Бог или... сам господин товарищ Президент испытывает их терпение и преданность?" Таким вопросом задаются они, сталкиваясь с очередным плохим событием своей жизни.

Но кто же все-таки этот таинственный и вездесущий господин товарищ Президент? Кто он – этот герой нашего времени? Какими человеческими качествами и достоинствами может он похвалиться? Чего он достиг лично для себя в этой жизни путем жестокой эксплуатации целой страны, жесточайшего унижения каждого отдельно взятого человека живущего в этой стране?

Увы или, вернее, к счастью, немногого.

...Всеобщий подхалимаж, возможность наесться вдоволь да еще "чувство глубокого удовлетворения, которое он получает, наблюдая муки своих врагов, когда их пытаются в его присутствии..." Чем еще может он гордиться на этом свете? Практически – ничем. В его душе пустота. "Он проживает свою жизнь один-одиночек, фактически в пустом доме, без жены и детей". Он неспособен увлечь женщину – они теряют к нему интерес после первой же ночи, потом они испытывают по отношению к нему только страх и отвращение. Несмотря на то, что он поставил на колени всю страну, его собственная жена сумела ускользнуть от него. Теперь, «его высшее земное счастье – его должность

и позолоченное кресло из слоновой кости.» Следовательно, те, кто претендует на его кресло, хотят отнять у него не только должность, но и последние крохи его человеческого достоинства..." И в какой-то мере он прав – ведь кроме этого кресла у господина товарища Президента в этой жизни ничего и нет.

Подавленное или неудовлетворенное половое желание имеет свойство сублимироваться в творческую или другую креативную деятельность. У нашего же господина товарища Президента, человека недалекого и неспособного, интеллектуального импотента, оно сублимировалось в болезненную жажду власти.

Господин товарищ Президент представляет собой целую ходячую коллекцию всевозможных комплексов, самым сильным из которых является приобретенный за годы вхождения во власть комплекс ничтожества!

Но кто виноват в этом? Сделало ли его таким тяжелое детство? Взрастила ли его порочная империя, царившая более 70-и лет на огромном пространстве Евразии? Или же во всем виновата пресловутая жажда власти?

Нет – таким он воспитал себя сам. С самого детства он сделал для себя вывод, если ты слаб, то должен покориться, – тогда тебя просто унижат, если же ты слаб и не покорен – то добра не жди... Он усвоил правила игры. Он сознательно сделал свой выбор. Сам превратил себя в ничтожество, допустив для себя возможность быть таковым. Однако он ничего не забывал, запоминал все и вся, а особенно дотошно запоминал нанесенные ему обиды и обидчиков... Аж с самого детства!

Помнить мелочные обиды, быть злопамятным, рассчитывать на день окончательной расплаты – единственное удовольствие для ничтожества. Жажда мести, не важно за что, не важно когда, не важно даже кому, но лишь бы отомстить, заставить людей таким образом считаться с собой – становится навязчивой идеей этого ничтожного человека, и даже более того – смыслом его существования.

И вот, после долгих лет унижений, достигнув, наконец, вершины власти, он, каждым своим поступком, каждым сумасшедшим законом и нововведением, заставляет людей содрогаться и считаться с собой, тем самым, доказывая день за днем, что он не тварь дрожащая, а право имеет...

В этой стране огромную часть жизненного пространства занимает великая пустыня, но, несмотря на свою величину, она неспособна противостоять жестокому натиску человеческой цивилизации, беспардонно врывающейся в ее глубины потоком отравленных дренажных вод с досыта пропитанных ядом хлопковых полей, бездумной вырубкой саксауловых рощ, буровыми вышками и тяжелыми, крошащими, разрушающими все на своем пути бездушными железными машинами.

Хрупкое экологическое равновесие нарушено – обитатели пустыни обречены на исчезновение. В этом грохочущем, отравленном аграрно-технократическом мире им не остается места для существования и продолжения рода. Еще год – другой, и все они исчезнут с лица земли. Понимая неизбежность данного процесса, мудрая кобра решает наказать род человеческий за содеянное им зло и устремляется в город...

Кобра сбрасывает кожу и принимает человеческий облик. Он превращается в худощавого, высокого, лысоватого мужчину с круглым лицом, широким подбородком и выдающейся вперед челюстью. И с пронзительно-холодным взглядом... Он принимает облик вполне добропорядочного гражданина, обладающего всеми атрибутами такового – хорошим костюмом, паспортом, партбилетом, и, конечно же, человеческим именем: а как же иначе?

Для кобры, которая входит в человеческое общество под именем Мусы Чоли, сначала весь род человеческий представляется монолитом. Все они, люди, и виноваты перед ней и всеми обитателями пустыни, все они, переделавшие природу под свои нужды, должны быть наказаны. Но уже после первого же контакта с живым человеком, Муса Чоли, к своему удивлению, обнаруживает, что не все так просто, как он думал. "Как же так? У людей "все крушится да рушится"? – начинает размышлять кобра над словами первого встреченного им человека. Где же тогда корень зла, кто виноват в том, что происходит?

Кобра окунается в чужой, непонятный ей мир. Так получается, что Муса Чоли, тем самым специфическим способом, который возможен только в южных республиках рухнувшей империи, оказывается назначенным заведующим селом Чарва, в котором он продолжает свое знакомство с различными образцами представителей рода человеческого. Уже через некоторое время кобра понимает, что люди "превращаются в своих антиподов – перестают думать и охотно поддаются манипуляции." "Что это – гипноз" – задается вопросом Кобра. – "В таком случае господин товарищ Президент владеет приемами массового гипноза", – размышляет Муса Чоли о человеке с болезненной фантазией, которому подчиняется вся страна...

Муса Чоли с ужасом понимает, что "грядет конец света, но это не беда, беда в том, что это будет и концом всего живого на земле. Чтобы спасти живой мир, надо спасти людей..." – к такому выводу приходит Кобра, и, не сумев найти верного рецепта спасения рода человеческого, начинает свое восхождение по чиновничьей лестнице. Для этого он вынужден отдавать безумные, но вместе с тем звучащие в духе времени, указания, которые обеспечивают ему легкую славу и позволяют проникнуть во Дворец, приблизиться к самому господину товарищу Президенту.

К концу своего пребывания во Дворце Кобра понимает, что "заведомо глупые и губительные решения" принимает "кучка беспредельно обнаглевших от безнаказанности людей" Именно в них видит Муса Чоли причину трагедии народа, и именно их решил он наказать... Но мудрый Змей проигрывает последнюю схватку и вынужден бежать из Дворца в своем змеином обличье. Но Муса Чоли не успел еще превратиться в змею, как тут же заметил, что господин товарищ Президент и все люди из его окружения начинают принимать свои истинные облики, превращаясь в различные хищные существа... Воистину, природа этой власти не человеческая, не от мира сего она, и не по человеческим законам правит людьми... Израненный, полуживой змей покидает Дворец и задается вопросом: кто же спасет людей, кто же кроме них самих?..

В чем трагедия народа? Извечный вопрос... В бездействии, в неверии в собственные силы, в нежелании идти на жертвы даже во имя собственной свободы! В ком народ видит своего спасителя? В сироте Амане. И выбор этот мотивирован предельно просто, если не сказать предельно примитивно – Аману "нечего терять", и женат он неизвестно на ком, и детей у него нет, а за душой – ни кола, ни двора!

А кто-нибудь из толпы пытался представить себя в качестве спасителя? Даже не спасителя народа, а спасителя самого себя... Нет. Что мешает им? Неужели те небольшие материальные блага, которыми они все еще обладают? Их ли боятся они потерять? Нет... вопрос намного сложнее... Дело в другом. Режим беспощаден, он не остановится не перед чем. Выявив инакомыслящего, он вырвет его с корнем, полностью уничтожит всю его семью... И потому не удивительно, что даже Аман, этот бесшабашный шалопай, становится обычным человеком, когда осознает, что теперь и

ему есть что терять. Потому-то он сначала безмолвно взирает на казнь Чары-книжника, а потом позволяет Какабаю Нелюдимому повязать и себя по рукам...

"Кобра" рассказывает о судьбе народа, народа – заложника, народа потерявшего способность сопротивляться.

Автору удалось передать всю сущность страны – компиляции советского колхоза, жестоко агонизирующего тупого административно-командного механизма, иррационального, перевернутого кафкафского мира из "Процесса", помноженного на восточную деспотию... Иногда картина приобретает совсем иррациональные формы, но ясные, живые зарисовки туркменского села, соседствующие с ней, живо напоминают о том, что все – все в этой книге списано с натуры. И от осознания этого становится страшно. Но еще страшнее становится тогда, когда осознаешь, что страна эта – наша Родина!

Если попытаться охарактеризовать книгу односложно, то, отталкиваясь от названия романа, я скажу одно слово – ЯДОВИТО! Если же сделать характеристику несколько объемнее, то я прибегну к следующим словам Ницше: "Между эпическим взглядом в прошлое и взглядом в будущее лежит драматико-лирическое настоящее, собственно драма". "Кобра" – повествует как раз об этом настоящем, об этом сегодня...

Владимир Полянский, читатель

22.10.2003